

Девять дней проревкомил. А на десятый приехал из уезда какой-то инструктор и заявил:

— Вы что тут всякого барахла понаписали (и прямо пальцем): Вон этот старик уже три года, как на том свете в дезертирах числится, а вы его в партию...

И с нежностью:

— А ты, милый старичок, сматывай удочки и холодком отсюда... Холодком... Раскрыл было рот Август Августович, хотел что-то сказать и ничего не сказал,—слюну только пожевал.

А инструктор не говорит, а гвозди забивает:

— Вы знаете что такое партийный человек?—Это не-сокрушимая стена, это человек, который за партию в огонь и в воду, и под расстрел, и чорту в зубы. Вы, вот, позаписались, а завтра на фронт... Пойдете? А не пойдете—значит шкурники, из за пшеничной муки понаписались значит...

Долго говорил инструктор. Из сорока семи кандидатов на третий день только пять осталось.

Лоскут 11-й. Мытарство последующее.

Не жалел долго Август Августович о хорошей идее—все равны.

Рассудил по другому. Гибко мыслил.

— Равны-то равны, да лучше не ехать на фронт, лучше сидеть статистиком и пожевывать овсянку, а лба за это самое „равны“ не подставлять.

Одобрила новые выводы Душечка. Одобрил их и июль 19-го года.

Коршуньем поналетели пестрые корниловцы и всякие марковцы. Лица азартные, зрачки жрачками, ищут святую,—собственность.

— Где тут те, которые ругали бога и святу церковь? Указывайта на коммунию, мы с ней живо, а не то и вам по двадцать пять!..

Всех показали, без шомполов-бы показали, девятидневнички все были.

Лоскут 12-й. Вынужденный визит.

У поручика лицо безусое, девичье, прическа бабочкой, бриджи широченые. Весь нежный, вылощенный. Сидит он, чванно развалившись в кресле, в гостинной отца Ильи, рядом с угодливым Ильей, и, нарочито картавеньким, тенорком приказывает:

— Пгашю выискать па аднаму.

Не вошел, а медведем на задних лапах ввалился Август Августович.

Губы выкроили приятную улыбочку, глаза приветцем засверкали. Заметил поручик—обиделся:

— Я Вас невгости звал, не забывайте...

— Именно...

Одобрительно кивнул отец Илья.